

О. А. Симоненко

КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ АКТУАЛЬНЫМИ УЧАСТНИКАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются интерпретации коррупционного поведения и неформальных практик на примере крупных региональных вузов.

Ключевые слова: глобальные, региональные и локальные исследования коррупции, коррупция в образовании, коррупционная социализация, коррупционная толерантность, восприятие коррупции студентами, отношение к коррупции преподавателей вузов.

О. А. Simonenko

Corrupt behavior and informal practices in yigher school and perception of them by current participants of educational process

The article deals with the interpretation of corrupt behavior and informal practices on the example of large regional universities.

К e y w o r d s: global, regional and local studies of corruption, corruption in education, corruption socialization, corruption tolerance, the perception of corruption by students, high schools teachers' attitude to corruption.

Согласно широко распространенному пониманию, коррупционное поведение является пороком должностных лиц, т. е. людей, облеченных властью, исполняющих временно или постоянно функции в законодательных, исполнительных или судебных органах и использующих свое положение в личных целях, как правило, предполагающих материальное обогащение. Такого рода трактовка характерна для законодательства Российской Федерации [3] и позволяет юридически обосновать точку зрения, по которой лицо, не состоящее на государственной службе, коррупционером быть не может. В таком случае, даже если предположить признание коррупции в сфере образования, то остается широкое поле для правовых коллизий, причем фактически одно действие, совершаемое преподавателем государственного и негосударственного университета, может приобретать разные юридические толкования [1]. Указанная неоднозначность выглядит тем более парадоксально, что зачастую в реальности речь идет об одном и том же преподавателе, совмещающем ставки в разных вузах. Легислативная витиеватость объясняется, очевидно, необходимостью дать точное определение, исключающее какую-либо двусмысленность. Стремление «уточнить» приводит к исключению из определения кор-

рупции существенных элементов. Показательно, что более широкой дефиницией отличается Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятая Советом Европы, где, согласно определению, данному в статье 2, под коррупцией понимается «просьба, предложение, дача или получение взятки, а также принятие или обещание, прямо или косвенно, любого ненадлежащего преимущества, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности и требуют от получателя взятки определенного поведения» [7]. Такое определение фактически не оставляет возможности исключить какую-либо сферу человеческой деятельности из ряда потенциально коррупционных и потому гораздо больше подходит для анализа процессов, происходящих в сфере образования.

Коррупция относится к ряду таких феноменов, обсуждение которых, возникнув вместе с человеческим обществом, никогда не утрачивало при этом своей актуальности. Но из-за специфики предмета, строгий научный анализ этого явления долгое время не проводился. Всплеск интереса представителей разных научных школ и направлений к изучению коррупции пришелся на 90-е гг. XX в. [5]. В силу общественно-политических причин объектом изучения стала

ситуация в постсоветской России. В начале XXI в. внутри страны появилось значительное количество научных публикаций, рассматривающих правовые, политические, экономические и иные последствия коррупции, хотя в сравнении с работами в других странах их число невелико. Сейчас в научной электронной библиотеке Elibrary.ru находится 33 656 предложений материалов, так или иначе освещающих это явление, что составляет не более 0,2 % от общего числа книг, статей и рукописей, представленных в библиотеке [2]. Большинство российских и зарубежных исследователей подчеркивают неоднородность коррупции как явления. В общественном мнении стереотипно отрицательное отношение распространяется на ее жесткие формы, к которым причисляют все возможные нелегальные платежи, вымогательство и дискриминации. Более лояльное отношение снискали такие формы, как фаворитизм, получение подарков, которые часто оправдываются особенностями национальной культуры. Коррупционное поведение может находить поддержку и в неформальных отношениях субъектов взаимодействия.

Разлагая наиболее важные социальные институты, коррупция препятствует их адекватному функционированию. Негативные последствия отмечают люди по всему миру. Так, по восприятию 53 % респондентов агентства Transparency International, коррупция существенно возросла в последние два года, об обратном заявляют лишь 18 % и 29 % фиксируют отсутствие перемен. Эта тенденция характерна для всех континентов, и для развивающихся, и для экономически развитых стран [8].

В России борьба с коррупцией является главной темой программ большинства политических и общественных деятелей, но, несмотря на демонстративную активность, содержательных изменений немного. 37 % россиян отмечают существенный рост размаха коррупции в течение последних двух лет, а 13 % — небольшой рост, 13 % респондентов не заметили перемен и лишь 12 % наблюдают небольшое или существенное улучшение ситуации. Положение вещей не устраивает россиян, о том, что коррупция не представляет проблемы, говорит только 1 % опрошенных. Система образования занимает шестое место в ряду наиболее проблемных организаций и институтов России, коррумпированной и крайне коррумпированной ее считают 72 % респондентов [9]. Однако необходимо отметить, что ни в одном из 107 государств, где проводил-

ся опрос, система образования не занимает первых строк в рейтинге, значительно уступая политическим партиям и полиции.

Сопоставление рейтинга стран мира по уровню восприятия коррупции, который, как известно, представляет распространенность коррупции в государственном секторе на основании опросов экспертов и данных Глобального барометра коррупции, показывает, что даже в наиболее благополучных государствах граждане отмечают наличие неформальных практик в системе образования и свое участие в их функционировании (см. таблицу).

Тенденции глобальных исследований подтверждают данные всероссийского опроса ВЦИОМ середины 2013 г., в котором коррупцию и бюрократизм назвали серьезной проблемой 44 % опрошенных; ситуация в образовании вызывает опасения 25 % респондентов¹.

Схожая картина предстает в результатах региональных исследований. В конце 2012 г. среди студентов выпускных курсов 13 ведущих вузов Хабаровского края, Еврейской автономной области (ЕАО) и Камчатского края проводился анкетный опрос, направленный на определение механизмов закрепления молодых специалистов на Дальнем Востоке². Среди проблем, вызывающих беспокойство и тревогу молодых дальневосточников, 27,7 % назвали коррупцию (наиболее высок показатель в Камчатском крае — 34,4 %; в Хабаровском крае — 28,2 %; в ЕАО — 23,6 %).

По данным названного исследования, большинство выпускников вузов (77,3 %) выразили удовлетворенность тем, как сложилась их студенческая жизнь, однако десятая часть опрошенных выказала полное равнодушие к собственной alma mater, причем процент ответивших так студентов заметно выше в ЕАО (14,8 %) и Камчатском крае (17,2 %), т. е. в регионах с заведомо меньшими возможностями выбора вуза и направлений обучения. В Тихоокеанском

¹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ: $n = 1600$, 130 населенных пунктов в 42 областях, краях и республиках РФ, статистическая погрешность — не более 3,4 %; проведен 29–30 июня 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114295> (дата обращения: 02.08.2013).

² Анкетный опрос: $n = 1093$; доверительная вероятность — 97 %, доверительный интервал ± 3 %. Тип выборочной совокупности — квотный в разрезе вузов и простой вероятностный при отборе факультетов и специальностей, случайный на этапе отбора студентов. Научные руководители — профессор Н. М. Байков и доцент Ю. В. Березутский (ДВИУ — филиал РАНХиГС, 2012 г.).

Вовлеченность граждан в коррупционные процессы в системе образования в государствах, занимающих различное положение в рейтинге по индексу восприятия коррупции в государственном секторе

Место в рейтинге	Государство	Индекс восприятия коррупции	Респонденты в стране, считающие систему образования коррумпированной и крайне коррумпированной, %	Респонденты, в семье которых в течение 12 мес., предшествовавших опросу, имелся опыт передачи взятки за услуги в системе образования, %
1-е	Дания	90	6	0
1-е	Финляндия	90	7	1
1-е	Новая Зеландия	90	16	3
...				
54-е	Чехия	49	30	4
54-е	Литва	49	40	7
54-е	Малайзия	49	13	3
54-е	Турция	49	42	27
...				
133-е	Казахстан	28	55	31
133-е	Россия	28	72	нет данных
...				
173-е	Судан	13	61	9
174-е	Афганистан	8	33	20

Источники: Transparency International, 2012. The Corruption Perceptions Index. 2012 [Electronic resource]. URL: <http://cpi.transparency.org/> (дата обращения: 27.08.2013); Global Corruption Barometer. 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.transparency.org/gcb2013> (дата обращения: 27.08.2013).

государственном университете, наиболее крупном вузе среди изученных, таких равнодушных оказалось 9,4 %.

В результате пилотного опроса, проведенного в сентябре 2012 г. в Хабаровске по проекту «Формирование ценностных установок и стереотипов восприятия коррупции у студенческой молодежи»³, и первокурсники, и выпускники выказали осведомленность об актуальности темы коррупции в высшей школе. На вопрос «Приходилось ли вам слышать о том, что в университетах иногда берут взятки?» утвердительно ответили 83,3 % респондентов. Однако необходимо отметить, что люди гораздо охотнее признают наличие проблемы, нежели собственную вовлеченность в нее. Так, на вопрос «Сталкивались ли вы (ваши друзья или родственники) с нарушениями при поступлении в вузы (случаи в приемных комиссиях, на олимпиадах и т. п.)?»

лишь 20 % респондентов ответили утвердительно. Последний показатель также совсем не мал, но пропорция 1 к 4 логично подтверждается личными интервью с преподавателями и студентами, в которых респонденты охотно дискутировали на тему серьезности и распространенности коррупции, но предпочитали не освещать свое участие.

В средневековой Европе — на заре формирования собственных принципов — университетское образование не гарантировало ни роста доходов, ни повышения качества жизни, ни особого престижа для студентов и выпускников. Несмотря на относительно невысокие требования для поступления в университеты (главным из которых долгое время оставалось владение латинским языком) и ограниченное число желающих обучаться в них, процессы поступления, обучения и особенно присуждения ученых степеней и званий сопровождалась неформальными и почти легализованными церемониями, предполагавшими выражение особого отношения обучаемых к профессорам в виде подношения соответствовавших приличиям времени даров, организации пышных банкетов и досуга наставников [4].

³ Пилотное исследование по проекту «Формирование ценностных установок и стереотипов восприятия коррупции у студенческой молодежи», $n = 30$ (сентябрь 2012 г., г. Хабаровск). Руководитель коллектива — профессор Е. Денисова-Шмидт (университет Санкт-Галлена, Швейцария). Подробнее о проведенном исследовании см. [8, 9].

Прошедшие века и смена образовательных парадигм изменили отношение к коррупции в высшей школе, но практически не искоренили ее ни в одном государстве мира. В России произошел радикально быстрый переход от советской модели, при которой получение высшего образования не рассматривалось в качестве обязательного жизненного этапа и доступ к нему ограничивался не столько экономическими, сколько социально-политическими факторами, к постсоветской ситуации, при которой образование стало рассматриваться как услуга, предлагаемая рынку, причем к потребителю этой услуги стали предъявляться требования в первую очередь финансовой состоятельности. Высшее образование стало индикатором адекватной социализации, а отсутствие диплома — своего рода девиацией. Завершение обучения в университете само по себе ничего не гарантирует для выпускника, однако отсутствие высшего образования практически лишает возможности построения успешной карьеры.

После введения единого государственного экзамена (ЕГЭ) усилился процесс миграции абитуриентов в престижные столичные вузы, а также в более благополучные регионы центральной части России. Наплыв абитуриентов создает ситуацию, при которой даже высокие баллы ЕГЭ и оплата обучения не гарантируют поступления, что, в свою очередь, может стимулировать желание представителей приемных комиссий «подработать» за дополнительную плату.

В это же время вузы Дальневосточного федерального округа вынуждены конкурировать между собой за оставшихся выпускников школ и смягчать требования к поступающим на платной основе абитуриентам. В процессе обучения многие студенты, осознавая, что максимальный риск отчисления для них связан с несвоевременной оплатой, а не с академической неуспеваемостью, спокойно воспринимают перенос расчетных принципов на все формы взаимодействия в вузе и видят в них оправдание и для себя, и для сотрудников вуза.

В Хабаровске, столице Дальневосточного федерального округа, расположены довольно крупные региональные вузы, которые переживают все проблемы современного реформирования высшей школы России. Результаты исследований, проведенных в этих вузах, не могут рассматриваться как бесспорные для ведущих высших учебных заведений страны, однако представляются нам репрезентативными в отношении большей части университетов, предостав-

ляющих образовательные услуги в условиях массового спроса на них.

Результаты вышеупомянутого пилотного исследования по проекту «Формирование ценностных установок и стереотипов восприятия коррупции у студенческой молодежи» не оставили сомнений в том, что большинство выпускников школ прекрасно осведомлены о наличии в образовательной среде разнообразных неформальных практик взаимодействия учащихся и обучаемых. 100 % опрошенных указали на то, что им приходилось делать подарки школьным учителям. В большинстве случаев это были «легализованные» цветы и конфеты (15 и 16 ответов из 30 соответственно), но в числе ответов также присутствовали посуда (9 ответов), книги (6 ответов), бытовая техника (5 ответов), косметика, украшения, мобильные телефоны (каждая позиция — по три ответа), а также алкоголь (2 ответа) и компьютер (1 ответ). Параллельно с этим 60 % студентов указали, что их родителям приходилось платить в период их обучения в школе.

Процедура сдачи Единого государственного экзамена в школе и предоставления его результатов для продолжения обучения в вузе имеет вид своеобразного «моста» трансляции разнообразных коррупционных коллизий.

Это еще в школе, когда ЕГЭ сдавали, поняли, что по-разному бывает. А в универе разных кадров видел. Баллов (по результатам ЕГЭ. — О. С.) больше, чем у меня, а сам дуб дубом, то есть вообще элементарных вещей не понимает. Рассказывает, что в школе учителя, особенно не скрываясь, фотографировали бланк, а потом приносили готовые решения, а он только переписывал. Даже если он теперь в вузе учиться не сможет и выгонят его, он же все равно место чье-то занял, того, кто, может, честно сам писал. Да, честно говоря, я думаю, что и не выгонят его, как поступил, так и доучится⁴ (интервью 4: юноша, студент 1-го курса).

Как мы видим, появившиеся в последнее время аргументы чиновников, комментирующих вероятные злоупотребления в процессе сдачи ЕГЭ, заключающиеся в том, что набравший высокие баллы выпускник без достаточных знаний,

⁴ Здесь и далее приводятся цитаты из фокусированного интервью «Социологическое исследование среди студентов, преподавателей и сотрудников хабаровских вузов» в рамках исследования по проекту «Формирование ценностных установок и стереотипов восприятия коррупции у студенческой молодежи». Серия из 10 интервью со студентами, обучающимися на первом и пятом курсах, проведена в мае — июне 2013 г.

несправедливо зачисленный в вуз, не сможет осилить первой сессии, после которой и будет отчислен, являются слабым утешением для других абитуриентов. Уверенность в собственной правоте не увеличивает вероятности стать студентом выбранного вуза. Для администрации вуза отчисление студента означает материальные потери и потому нецелесообразно.

Также понятно, что одна из декларируемых целей введения ЕГЭ — снижение взяточничества при поступлении в вузы и повышение справедливых шансов всех выпускников — наталкивается на очевидные препятствия, в результате увеличивается вариативность коррупционного поведения и меняется состав вовлеченных в него лиц.

Я вот слышал, что один балл по ЕГЭ при поступлении 1000 рублей стоит. То есть, например, у меня 180 баллов, я кому-то 20 тыс. дам и мне в списке подавших документы на поступление 200 баллов напишут... Не знаю, сам я не пользовался. Я и так на бюджет поступил, но разговоры ходят такие (*интервью 2: юноша, студент 1-го курса*).

Даже если предположить, что такие технически сложно организуемые противоправные действия не имеют широкого распространения, разговоры подобного рода популярны в среде первокурсников и создают соответствующий настрой, позволяя усомниться в достоверности любого результата, каждой оценки, справедливости высказываний сотрудника приемной комиссии вуза или преподавателя.

На ранней стадии во взаимоотношениях преподавателя и студента появляются посредники, которые участвуют в процессе внутривузовской коррупционной социализации, готовят новичков, причем их советы воспринимаются без неприязни, даже с благодарностью.

Я когда только в институт поступил, так мне ребята в общежитии еще до начала учебы сразу рассказали, какой преподаватель взятки берет и что делать надо... Ну, во-первых, родителей предупредить надо заранее, чтобы денег выделили на это дело. Потом нужно к ним (старшекурсникам. — О. С.) обращаться, они все ходы знают. Живут с этого. Да нет, с меня, я думаю, они себе ничего не возьмут, ну, может, шоколадку, а так просто к преподу все равно не подойдешь, если он такой, ну говорят про него если... Может, потом, на старших курсах, посредник не нужен будет... Учиться, чтобы не пришлось платить за зачет? Ну, не знаю... Я не такой умный, наверно... Опять же вопрос можно так поставить, что никто не сдаст... (*интервью 9: юноша, студент 1-го курса*).

В дальнейшем возможность установления неформальных контактов с преподавателем рассматривается частью студентов как основной или альтернативный способ получения зачетных оценок.

Студенты и сами наглые такие бывают... На самом деле, с начала семестра начинают проверять, вопросы задают двусмысленные. Например: «А что будет, если я неготовым на зачет приду?», «А может, я вам на экзамене комплименты говорить буду?». Но это еще куда ни шло. А один раз такой случай был: прямо на паре разговор завели про то, что все взятки берут, а если, мол, я из себя много строить буду, вроде как требования какие-то по учебе предъявлять, так легко можно жалобу написать и доказывая потом, что ничего не вымогала. Я, конечно, разговор такой постаралась поскорее свернуть, но все равно не по себе как-то. Может быть, у них правда так часто что-то требуют, что они это нормой считают и не понимают, что на самом деле это просто оскорбительно слышать» (*серия из 10 интервью с преподавателями и сотрудниками вуза; интервью 2: женщина, доцент, 35–40 лет*).

Можно спорить о том, насколько поведение преподавателя или его внешний вид могут провозгласить у студентов коррупционные настроения, тем не менее при знакомстве этот фактор является существенным, хотя и не основным для составления первичного образа преподавателя у студентов. Не секрет, что в условиях современной России статус преподавателя вуза не гарантирует материальной обеспеченности. Но для того, чтобы привлечь внимание и вызвать доверие аудитории, необходимо выглядеть в ее глазах успешным человеком. К сожалению, современное поколение студентов, прошедшее первичную социализацию во время хаотичного становления рыночных отношений, успех оценивает в основном в денежном эквиваленте. Как отмечают Н. Шушкова и О. Лейбович, «преподаватель, не способный представить свой аскетический образ жизни в качестве индивидуального способа самореализации, избирает иные стратегии согласования статусов» [6], т. е. в той или иной степени коммерциализирует имеющийся у него капитал на рынке образовательных услуг.

Когда в начале семестра с преподавателем знакомишься, смотришь, конечно, как он выглядит, как одевается. Прикидываешь, сколько что стоит, часы, например, сумка... Конечно, не значит, что человек только на зарплату живет, может, у кого муж богатый... А того, кто взятки берет, по внешнему виду не определишь, тут нужен

опытный человек, чтобы подсказал в каждом конкретном случае (*интервью 7: девушка, студентка 5-го курса*).

Поиск неформальных контактов может провозицироваться недобросовестным отношением к учебе, а также системой отношений в вузе, оказывающейся новой для вчерашних школьников, привыкших к систематической опеке со стороны родителей и классного руководителя.

Мне кажется, больше всего взятки за физкультуру берут. Сначала-то все смеются, несерьезно относятся, пропускают много. А на сессии как в деканате допуск ставить отказываются, так, конечно, каждый «бегать» начинает. То есть выход искать, а не нормативы сдавать (*интервью 3: девушка, студентка 1-го курса*).

Несмотря на попытки введения в вузе промежуточных форм контроля знаний, подтягивания отстающих студентов к итоговой аттестации, именно экзаменационная сессия активизирует деятельность студентов, для которых первоочередное значение имеет диплом, а не знания, а также их «помощников», в том числе и среди преподавателей вуза.

На сессии, конечно, некоторая суета наблюдается. Обычно, когда уже почти все экзамены сданы, появляется, например, декан и заводит разговор о каком-нибудь студенте, которого он, дескать, лично знает. Вроде как родители у него — соседи декана или что-нибудь вроде этого. То есть прямо будто бы ничего не требует, на свою должность не указывает, ведет себя как обычный преподаватель, у которого такая вот личная проблема. Я даже и не стараюсь вникать, и не особенно верю, но и отказать неудобно. Молодые-то преподаватели ко мне с такими вопросами не обращаются, но а декану как откажешь... Нет, взятка мне никогда не предлагали... Даже странно, почему. Кругом говорят: коррупция, коррупция... (*серия из 10 интервью с преподавателями и сотрудниками вуза; интервью 8: мужчина, доцент, 65–70 лет*).

Большинство преподавателей, вынужденно включающихся в неформальные контакты с коллегами, относятся к ним как к неизбежной необходимости. В таких ситуациях на первый план выходит фактор личного, нередко продолжительного знакомства с коллегой, который обращается с неприятной, хотя и необременительной просьбой.

Подходит коллега ко мне, немолодая уже, может быть, вы тоже ее знаете... Вот, говорит, родственник у меня есть, на заочном учится. Запустил, конечно, такой-сякой, проблемы у него в семье или на работе, я не вникала. Само собой, зачет нужен. Ну ладно, пусть подойдет такого-то чис-

ла. А она говорит, да некогда ему, да вот у меня и зачетка с собой... А как откажешь? Она же еще меня учила, когда я студенткой была... А что самое неприятное, я слышала, она потом к другим преподавателям подходила, и не один раз, и родственники все время разные, и не только заочники... (*серия из 10 интервью с преподавателями и сотрудниками вуза; интервью 7: женщина, старший преподаватель, 25–30 лет*).

Два приведенных выше фрагмента интервью показывают, что родственные чувства являются легитимным основанием для обращения и получения зачетной оценки без какого-либо контроля знаний студента. При этом толерантность к nepoтизму является прикрытием для сознательного введения в заблуждение коллег и, возможно, источником дополнительного дохода профессиональных посредников с большим количеством «родственников».

Ряд преподавателей видят причину своей лояльности к выставлению необоснованных оценок в собственной зависимости от администрации вуза, не находят внутренних ресурсов и не видят смысла в сопротивлении этим обстоятельствам.

Я когда слышу, что в каких-то вузах студентам сложно сдать сессию, даже радуюсь немного. У нас ведь если студент сам сдать не может, то есть буквально два слова из себя не может выдать на экзамене, чтобы тройку ему поставить, так сам же преподаватель крайним останется: почему не научил (это в лицо так скажут), а на самом деле все понимают, что дело в «сохранности контингента студентов», и если не поставишь на второй-третий раз, то сам же виноват будешь, или завкафедрой через твою голову поставит, да и на него давят сверху наверняка. Ну вот преподаватель и думает: почему я должен оценку просто ни за что ставить? А студенты эти мотивы улавливают прекрасно (*серия из 10 интервью с преподавателями и сотрудниками вуза; интервью 9: женщина, доцент, 40–45 лет*).

Таким образом, каждый из интервьюируемых преподавателей обнаружил вовлеченность в неформальные практики в организации учебного процесса, хотя не все склонны были называть свои действия коррупционными.

Справедливости ради следует сказать, что двое из 10 студентов отказались признать, что они в какой бы то ни было форме знакомы с возможностью получить необоснованную оценку или иные привилегии от преподавателя.

Не могу представить, чтобы я какому-то преподавателю какую-то взятку предложила. Не было таких ситуаций. В группе у нас это тоже

не принято. Ну, мы можем на Восьмое марта цветочек подарить или коробку конфет. Но это ведь ни на что не влияет, просто так принято со школы еще (*интервью 5: девушка, студентка 5-го курса*).

К сожалению, такие ответы (впрочем, также не отличающиеся кристальной безупречностью, так как содержат информацию о мягких формах неформальных практик) выглядят исключением из общего правила.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов:

1. Коррупция в образовании — проявление общей дисфункциональности социальных институтов, обнажающее одну из наиболее проблемных зон социального организма.

2. Коррупция усугубляется массовым характером получения высшего образования, при котором диплом не подкрепляется стремлением к познанию, но является условием старта карьеры.

3. Толерантное отношение студентов к коррупции в системе образования имеет корни в предшествующем периоде школьного обучения, находя подкрепление в позиции родителей.

4. Коррупционные практики поддерживаются существованием института посредников из числа студентов и преподавателей, которые позволяют коррумпированному преподавателю «сохранять лицо».

5. Ориентация на сохранение контингента студентов, оплачивающих свое обучение на договорной основе даже в случае их фактической академической неуспеваемости, подталкивает преподавателя к противоправному действию.

6. Доверительное общение и личные связи коллег выступают провоцирующим условием для обращения за помощью (чаще всего в виде проставления экзаменационной оценки без предшествующего контроля фактических знаний студента).

7. Неформальные контакты в преподавательской среде, если они порождены nepotизмом, кронизмом или иными формами фаворитизма, предполагают нематериальные эквиваленты в качестве выражения благодарности, следовательно, не только не преследуются юридически, но и не идентифицируются в качестве коррупционных их непосредственными участниками.

Таким образом, в системе высшей школы коррупция тесно переплетается с практикой

неформальных отношений и представляет собой социально-экономический феномен, борьба с которым отягощается его глубокой ментальной укорененностью. Необходимы ужесточение требований к учебным заведениям, строгий контроль процесса и особенно результата подготовки студентов, но этого недостаточно для решения коррупционной проблемы.

1. *Зинатуллин Н. З.* Детерминанты коррупции в сфере высшего профессионального образования // Юрид. наука. 2013. № 1. С. 55–59.

2. Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 25.08.2013).

3. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 21.11.2011 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

4. *Осибян А. Л.* Коррупция в высшем образовании как наследие средневековых университетов [Электронный ресурс] // MPRA Paper. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/13250/> (дата обращения: 27.08.2013).

5. *Рогозин Д.* Обзор публикаций о коррупции [Электронный ресурс] // Отеч. зап. 2012. № 2 (47). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/obzor-publikacij-o-korrupcii> (дата обращения: 20.08.2013).

6. *Шушкова Н., Лейбович О.* «Хочешь сдать экзамен на 5?» Культурные основания коррупции в высших учебных заведениях [Электронный ресурс] // Отеч. зап. 2012. № 2 (47). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/hochesh-sdat-ekzamen-na-5> (дата обращения: 11.09.2013).

7. Civil Law Convention on Corruption. Strasbourg. 1999. 4 Sept. [Electronic resource]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/174.htm> (дата обращения: 21.08.2013).

8. *Denisova-Schmidt E.; Leontyeva E.* Do Russian Universities Teach their Students to be corrupt?: Some empirical Evidence from the Far East // Journal of International Scientific Publications: Educational Alternatives. 2012 (2013). Nr. 10 (3). S. 258–275;

9. *Denisova-Schmidt E., Leontyeva E.* Perception of Corruption by First-Year and Final-Year Students in Russia. Boston : Center for International Higher Education [Electronic resource]. URL: <http://www.insidehighered.com/blogs/world-view/perception-corruption-first-year-and-final-year-students-russia>. (дата публикации: 18.12.2012).

10. Global Corruption Barometer. 2013. Опрос 114 270 чел. в 107 странах. [Electronic resource]. URL: <http://www.transparency.org/gcb2013> (дата обращения: 22.08.2013).

11. Global Corruption Barometer. 2013 — National Results. [Electronic resource]. URL: <http://www.transparency.org/gcb2013/country/?country=russia> (дата обращения: 22.08.2013).